

Чу Янь относился ко мне хорошо — по-настоящему хорошо. И всё же, выслушав его, я медленно разжал пальцы и вернул ему отданный камушек.

Он уставился на меня:

— Что это значит, брат?

— Я не могу, — ответил я.

Я любил Сюй Цинцзэ больше десяти лет. Рос вместе с ним и каждый день с нетерпением ждал встречи. Я просто не мог отказаться от него.

Сюй Цинцзэ был совсем не таким, как остальные.

Он был человеком, сотканным из ветра.

Все люди при рождении сотворены из чистого синего неба — чистые и прозрачные. Но взрослея и набираясь опыта, некоторые подсознательно начинают прятаться за личинами. Тот, кто скрывает себя безупречно, становится человеком из тумана. Тот, кто делает это умело, но неидеально — человеком из дождя. Человек из тумана куда хитрее человека из дождя. Старший брат как раз из таких.

А Сюй Цинцзэ сотворён из ветра.

Он спрятал себя так глубоко, что ничего не осталось. Ветер пронёсся — и ни следа, даже туман развеялся.

Всё наше прошлое унеслось вместе с ним, словно порыв ветра.

И если я не буду держать его изо всех сил... не развеется ли он однажды сам, без остатка?

Мой отказ разозлил Чу Яня. С каменным лицом он снова запихнул камушек мне в ладонь и ушёл не оглядываясь.

На сей раз он так и не вернулся.

Служанки подливали мне чай шесть раз. Глядя на опустевший двор, я позвал слугу и велел везти меня в мою усадьбу.

Ночью серебряный лунный свет заливал спальню, подобно струящейся воде.

Я лежал на животе и, выудив из-под подушки два камушка, попытался сложить их вместе.

За окном раздался лёгкий шорох. Я повернул голову — у оконного проёма возникли две тёмные фигуры.

Будь на моём месте кто другой, перепугался бы до смерти. Но мои мысли всегда запаздывали. Прежде чем разум успел осознать страх, я уже узнал ночных гостей.

Я сел на кровати:

— Четвёртый брат? Пятый брат?

Одна из теней обогнула дом, толкнула дверь и вошла. Это был Чу Янь.

От его недавней злости не осталось и следа — лицо выражало глубокое раскаяние. Увидев камушки в моих руках, он смутился ещё сильнее и глухо пробормотал:

— Брат, я был неправ. Прости меня.

— Это я виноват, — возразил я.

Взял его вещь, а просьбу не исполнил. Конечно, виноват был я. К тому же я ведь старший.

Он присел на край постели, обнял меня за руку и потёрся плечом:

— Брат, не говори так...

Мне вдруг вспомнились слухи, будто на Дальнем Западе водятся огромные псы: они кроткие, любят прыгать на хозяина, вилять хвостом и лизать лицо мокрым горячим языком.

Интересно, видел ли Чу Янь таких собак?

Чу Янь снова вложил мне в ладонь камень. Вглядевшись в него при свете луны, я изумлённо распахнул глаза.

Это был безупречный, абсолютно симметричный камень в форме сердца — словно его отливали по специальной форме.

— Брат, — ластился он, — я сегодня после полудня нашёл его в Императорском саду. Это тебе. Ты ведь больше не сердишься, правда?

Я даже не успел сказать, что вовсе и не сердился, а лишь сжал его ладонь от нахлынувшего восторга. Но Чу Янь неожиданно болезненно сдавленно стонет.

Его кисть была обмотана белыми бинтами. От моего крепкого пожатия рана открылась, и на ткани проступили алые пятна крови.

— Как... как это вышло?! — перепугался я и порывался встать, чтобы позвать слуг.

— Пустяки, днём слегка царапнулся. Подуй, брат, и всё пройдет.

Он протянул забинтованную руку к моим губам. Я уже собрался подуть, как рядом раздался ленивый, насмешливый голос:

— Эй, вы двое, долго ещё будете тут телячьи нежности разводить?

Только тут я вспомнил, что Четвёртый брат, Чу Шао, тоже пришёл с ним.

Я умею сосредоточиться только на чём-то одном, удерживать внимание на двоих сразу мне тяжело. Стоило ему подать голос, как я очнулся и повернулся к нему. Он встретил мой взгляд улыбающимися глазами.

Чу Шао широко улыбался, но состряпал скорбную мину:

— Я сижу здесь так долго, а брат разговаривает только с Чу Янем. Видимо, в твоём сердце есть место лишь для одного младшего брата. Что ж, ладно, ладно...

Этот знакомый, шутливый тон заставил меня искренне расхохотаться. Чу Шао был смышлёным, смешливым юношей. В его больших лучистых глазах всегда искрилась радость, и он из кожи вон лез, чтобы развеселить меня.

— Раз брат ещё не спит, — продолжал Чу Шао, — идём с нами.

— А куда вы собрались среди ночи? — спросил я.

Чу Шао таинственно ухмыльнулся:

— Пятый брат обмолвился, что ты страдаешь от безответной любви к Сюй Цинцзэ. Вот я и придумал способ, как помочь тебе его забыть. В конце концов, не на нём одном мир клином сошёлся!

Я хотел возразить: мне вовсе не хочется забывать Сюй Цинцзэ, ведь он — единственный и

неповторимый человек из ветра. Но они оба так смотрели на меня, что я только кивнул.

Осень уже вступила в свои права, одеяния стали многослойными и тяжёлыми. Я вечно путался в этих многочисленных полах и завязках, не понимая, что надевать внутрь, а что наружу. Подумал было кликнуть слуг, но Чу Шао перебил:

— Я помогу брату одеться.

— Нет, я! — тут же вмешался Чу Янь.

— А ну-ка иди и перевяжи рану, — строго взглянул я на его окровавленную руку.

Чу Янь обиженно посмотрел на меня, затем вонзил свирепый взгляд в Чу Шао и нехотя поплёлся в дальний угол спальни.

Пока Чу Шао помогал мне с одеждой, он тихо хмыкнул:

— А брат-то у нас — настоящий красавец.

Я понятия не имел, как выгляжу. Матушка-императрица никогда не разрешала мне смотреться в зеркала. Она твердила, будто зеркало может затянуть душу внутрь и сделать меня ещё глупее. Поэтому во всём моём княжеском дворце не водилось ни единого медного зеркала.

— А какой я? — с любопытством спросил я.

— Брат мой статен и благороден, — отозвался Чу Шао, — ликом подобен нефриту, а выправкой — дракону и фениксу. С ним никто не сравнится.

Вернувшийся с перевязанной рукой Чу Янь подхватил:

— Брат, разумеется, прекрасен собой! Достаточно посмотреть на отца-императора и матушку.

Отец-император был статен и величественен, а матушка славилась редкой красотой. Если судить по ним, у меня и впрямь должна быть приятная внешность. Впрочем, слова братьев не стоило принимать близко к сердцу — они всегда приукрашивали, видя во мне только хорошее.

Экипаж остановился перед пышно украшенным теремом, сиявшим сотнями огней.

Табличку над входом я разобрать не смог, но у дверей стояла наряженная, раскрашенная женщина средних лет и зазывно улыбалась прохожим. Из окон верхних этажей доносились звуки музыки, звонкий смех и пение — видно было, что гостей внутри предостаточно.

Обычно стоило мне отпроситься хотя бы в лавку за баоцзы, как матушка тут же читала нотации. Оказавшись в столь шумном и людном месте впервые в жизни, я с любопытством разглядывал освещённые покои.

Но Чу Янь внезапно вспыхнул и набросился на Чу Шао:

— И это твой способ помочь брату забыть Сюй Цинцзэ?! Ты привёл его в подобное место?!

— Брат видел слишком мало людей, потому и запал на Сюй Цинцзэ, — невозмутимо возразил Чу Шао. — Посмотрит на других, найдёт кого получше, и Сюй Цинцзэ сам вылетит у него из головы.

— Но не сюда же! — Чу Янь залился краской и ткнул пальцем в вывеску. — Как ты мог притащить его в... в заведение подобного рода?!

Я слушал их и никак не мог понять: а что это за место? Разве плохо там, где ночью так весело и шумно?

— И что ты предлагаешь? — спокойно парировал Чу Шао.

Чу Янь открыл рот, но смог выдать лишь:

—... Всё равно нельзя! Тут полно всякого сброда! А если с братом что-нибудь случится?!

— Пока мы с тобой рядом, чего тебе бояться?

Они спорили так азартно, что совершенно забыли про меня.

Я огляделся по сторонам — и мой взгляд зацепился за одну сцену.

Неподалёку, у самой дороги, приютился скромный навес. За ним сидел истощённый, смуглый мужчина средних лет в рваной одежде.

Ночь выдалась холодной, прочие лавки давно закрылись, и он сидел в одиночестве, дрожа от порывов осеннего ветра. Выглядел он жалко и заброшенно.

Заметив мой взгляд, мужчина вдруг поднял голову и тепло мне улыбнулся. В его глазах светился глубокий, пронизательный ум, ничуть не вяжущийся с его нищенским видом.

Я словно замороженный шагнул к нему.

Братья бросили спорить и поспешили за мной.

Чу Янь мазнул взглядом по флажку у лавки и вслух прочитал:

— «Гадание по И-цзин и восьми триграммам, предсказания Поднебесной...» Что за шарлатан!

Я присел напротив предсказателя. Вблизи его истощение бросалось в глаза ещё сильнее: впалые щёки, заострившийся нос, но взгляд оставался невероятно ясным, словно он видел меня насквозь.

— Чего желает господин? — снова улыбнулся он.

— Где моя супруга? — спросил я.

— Господин желает узнать о своей судьбе и браке?

Он не стал доставать ни медных монет, ни черепаших панцирей, ни гадательных бамбуковых палочек. Лишь пристально смотрел мне прямо в глаза, будто выискивая в них ответ.

Этот взгляд был настолько цепким и глубоким, что казалось, будто прошла вечность.

Наконец предсказатель произнёс:

— Ваша супруга всё ближе и ближе к вам.

Мои глаза вспыхнули:

— Он... он сейчас на улице Чжэнфэн?

Усадьба главы Секретариата Сюй Цинцзэ находилась как раз на улице Чжэнфэн.

Гадатель качнул головой.

Надежда мгновенно угасла.

— Тогда... он в императорской столице?

Мужчина снова покачал головой.

Я окончательно пал духом и уныло протянул:

— О-о...

— Вам нужно лишь подождать семь дней, господин, — добавил прорицатель, — и всё прояснится само собой.

Раз речь идёт не о Сюй Цинцзэ, мне никто другой не нужен.

Чу Шао достал было кошелёк с серебром, но глубокой ночью на него ничего не купишь. Я пошарил за пазухой и вытащил бумажный свёрток с несколькими кусочками горохового печения.

Мужчина без колебаний принял угощение и тихо молвил:

— Господин — человек великой судьбы.

Я покорно поплёлся за Чу Шао внутрь терема. Душные, пряные ароматы ударили в нос, отчего мне непреодолимо захотелось чихнуть. Братья бережно провели меня на третий этаж и усадили в самый дальний, уединённый покой.

Окна ложи выходили прямо на возвышавшуюся в центре залу подмостков, окружённую полупрозрачной дымкой благовоний. Там, в лёгком тумане, плавно кружились танцовщицы в пышных шелках, казавшиеся невесомыми сказочными девами.

Я безразлично крутил в руках пиалу с горячим чаем, даже не пытаясь разглядеть, кто там пляшет на сцене — мужчины или женщины. Слова предсказателя лишили меня покоя. Я совсем забыл спросить Чу Шао, зачем мы вообще сюда пришли.

Братья старались развлечь меня беседой.

— Перед утренним докладом пришла депеша с границ, — заговорил Чу Шао. — Наше войско одержало грандиозную победу! Армия Великой Чу отвоевала восемнадцать округов Северной пустыни. Северное Инь капитулировало, и Второй брат лично конвоирует наследного принца-заложника в столицу. Отец-император в восторге и повелел Министерству ритуалов готовить пышный пир, чтобы встретить Второго брата с почестями.

Чу Янь подсунул мне лакомство:

— Брат, ты ведь всегда восхищался Вторым братом. Он возвращается, взбодрись немного!

Я с трудом заставил себя проявить интерес:

— И когда Второй брат прибывает?

— Дней через семь, — ответил Чу Шао.

Снова семь дней.

Я вспомнил наказ нищего гадателя: «Подождите семь дней, и всё прояснится». И в душе моей неожиданно вспыхнуло упрямое, неистовое сопротивление.

С какой стати какой-то бродяга решает за меня?! С чего он взял, что это не Сюй Цинцзэ?!

Я резко поднялся с места:

— Мне нужен Сюй Цинцзэ.

Отец и матушка с детства твердили мне: я не такой, как все. Если что-то не получается или не даётся — не надо упрямиться и ломать копыя, нужно идти к родителям, они во всём разберутся и всё устроят.

Я больше не мог ждать ни единой секунды. Развернулся и размашистым шагом бросился к выходу.

Спустя время, равное горению одной палочки благовоний, в покоях государя стоял отец-император. Венценосный владыка в простой ночной рубахе молча и бесстрастно смотрел на меня:

— Ты твёрдо решил?

Я поднял взор и твёрдо произнёс:

— Да. Мне нужен только он.

<http://bllate.org/book/20619/2106152>